

На правах рукописи

Б. АБЫСАМАНОВ

Из истории религии и свободомыслия
в Киргизии

/ И 09.625 - научный атеизм/

Диссертация написана на киргизском
языке

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой
степени кандидата философских наук

Фрунзе

1972

Автореферат

Писать разборчиво

Шифр

2

A-3

Автор

А. Абысаманов

Название

Из истории религии
и свободомыслия
в Киргизии

И 09.625 - научный атеизм

29(237)
Работа выполнена в Институте философии и права
АН Киргизской ССР.

Научный руководитель – доктор философских наук,
профессор Б.А.АМАНАЛИЕВ.

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук Б.БАМБУЛАТОВ

Кандидат философских наук С.МАМБЕТАЛИЕВ

Ведущее научное учреждение – кафедра научного
атеизма Киргизского государственного университета.

Автореферат разослан 24 января 1972 г.

Защита состоится февраля 1972 г.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной
научной библиотеке АН Киргизской ССР.

Отзывы просим направлять по адресу: г.Фрунзе,
ул.ХХП партсъезда, 265-а, Ученому совету Отделения
общественных наук АН Киргизской ССР

Ученый секретарь Совета
кандидат экономических наук

А.М.МОЛДОКУЛОВ

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

А 3
Исходным пунктом всякого научного исследования являет-
ся вычленение объекта из континуума действительности. При
этом неизбежно сохраняются лишь те стороны и связи объекта,
без которых само существование его было бы невозможным. Од-
нако, если от этих последних связей можно отвлекаться в ес-
тественных науках лишь временно, то подобное отвлечение в
общественных науках не может быть нормой, ибо только учет
всех конкретных связей ленинское "требование воесторонности"¹
представляет условие действительного понимания своеобразия
определенных общественно-социальных явлений.

Относительно изолированное рассмотрение религии, в част-
ности, истории мусульманства в Киргизии, позволило собрать
значительный материал и сделать ряд обобщений, однако такой
этап изучения религии, в свое время оправданный слабой иссле-
дованностью вопроса, в настоящее время не может быть принят
полностью. Религия не представляет собой совершенно замкну-
тое явление общественной жизни. Она не только связана с со-
циально-экономическими условиями жизни общества, но, в одной
стороне, испытывает влияние прочих форм общественного соз-
нания, а с другой, в самых разнообразных, зачастую завуалиро-
ванных формах, проникает в различные сферы духовной жизни
людей.

История религиозных верований есть история их взаимо-
действия с материальным и духовным укладом данного конкрет-
ного общества. И если первой стороне этого взаимодействия
¹ В.И. Ленин. Полное собр. соч., т. 42, стр. 290

уделено достаточно внимания, то вторая до сих пор не стала по-настоящему предметом изучения. В своей работе автор пытается проанализировать историю религиозного верования и атеизма в Киргизии именно с точки зрения их взаимодействия с другими формами общественного сознания, а также проследить проникновение элементов древних религий в представления мусульман. В соответствии с поставленной задачей построена структура диссертации.

Диссертация изложена на 245 страницах машинописи и состоит из введения, трех глав и заключения. В конце работы приложен список использованных источников и литературы.

В введении ставятся вопросы и цели работы, рассматриваются основные методологические посылки и материал исследования. Большое внимание уделено обзору литературы по теме диссертации с целью показать состояние проблемы.

Начало научному исследованию ислама в Средней Азии, в частности в Киргизии, было положено во второй половине XIX века трудами русских востоковедов. В.Р.Резен, И.И.Березин, Г.С.Саблуков, Н.А.Медников, А.Э.Шмидт, А.Е.Крымский и другие собрали большой фактический материал по истории и распространению ислама. Крупный вклад в изучение духовной жизни киргизского народа в дооктябрьский период внесли Ч.Валиханов¹, В.Радлов², Ф.Поярков³, В.В.Бартольд⁴. При всей своей несомнен-

¹ Ч.Валиханов. Исторические предания дикокаменных киргизов; Дневник поездки на Иссык-Куль; Следы шаманства у киргизов и др. Избр. произведения, Алма-Ата, 1958

² В.В.Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч.У, Наречие дикокаменных киргизов, СПб, 1885

³ Ф.Поярков. Из области киргизских верований. "Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 год", Верный, 1901.

⁴ Академик В.В.Бартольд. Соч. т.П, ч. I, М, Изд. восточной литературы, 1963

ной научной ценности эти работы не могла дать правильного истолкования особенностей и сущности описываемых явлений, поскольку страдают методологическими пороками, приводящими в ряде случаев к неверному и идеологическому толкованию различных феноменов религиозного сознания.

Только сознательное и последовательное применение положений марксистско-ленинского учения ставит изучение общественных явлений вообще, и религии в частности, на действительно научную почву. Не случайно, именно советский период принес крупные успехи в исследовании религиозных верований. Среди работ, способствовавших уяснению особенностей формирования религиозного сознания в Киргизии можно указать на труды С.Е.Малова¹, С.М.Абрамзона², С.А.Токарева³. Только после революции по-настоящему развернулись исследования по истории свободомыслия и атеизма в Киргизии. Этим проблемам посвящены работы А.Алтымышбаева⁴, Б.А.Аманалиева⁵, В.Виноградова⁶. Культурный и социально-экономический фон изменений в общественном познании киргизов на рубеже XIX и XX вв. показан в монографиях

¹ С.Е.Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1953; Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951; Памятники древнетюркской письменности и Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959

² С.М.Абрамзон. Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе, 1947, К характеристике шаманства в старом быту киргизов. Ин-т этнографии АН СССР, краткие сообщения, вып. XXX, 1959

³ С.А.Токарев. О происхождении и ранних формах религии и их развитии. М., "Наука", 1964

⁴ А.Алтымышбаев. Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа конца XIX-начала XX вв. Известия АН Киргиз.ССР, вып.4, 1957

⁵ Б.Аманалиев. Из истории религии и свободомыслия в Киргизии. Фрунзе, 1966

⁶ В.Виноградов. Токтогул Сатылганов и киргизские акыны. М.-Л.

Джамгерчинова¹ и Д.Айтмамбетова².
В последнее время фронт исследований религиозного сознания и атеистических традиций значительно расширился и углубился. Применение конкретно-социологических обследований населения /Ш.Базарбаев, С.Есенгельдиев, С.Абдилдаев и др./ позволяет дать более полную картину состояния и динамики исследуемых процессов и богатый материал для теоретических обобщений.

Однако в этих работах в силу самой постановки задачи распространение религиозности рассматривается преимущественно в связи с демографическим и социальным статусом тех или иных групп населения и почти не затрагиваются сложные взаимоотношения между религиозными и другими проявлениями общественного сознания. Этот пробел и пытается восполнить автор в своей диссертации. Кроме литературных источников, им широко использованы архивные материалы /ЦГА Узбекской ССР, ЦГА Казахской ССР, ЦГА Киргизской ССР/, данные конкретных исследований, проведенных на местах путем анкетного и устного опроса населения, а также материалы устного народного творчества /сказания, сказки, пословицы, поговорки и т.п./, в которых ярко отразилось отношение простых народов к духовенству и религиозным предрассудкам. В своей работе диссертант постоянно опирается на основополагающие труды классиков марксизма-ленинизма, а также на важнейшие решения съездов и Пленумов ЦК КПСС, КП Киргизии.

Первая глава "Место религиозных верований в системе мировоззрения киргизов XIX - начала XX вв." открывается

1. Б. Джамгерчинов. Прогрессивные последствия добровольного вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963

2. Д. Айтмамбетов. Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX вв., Фрунзе, 1967

очерком доисламских верований киргизов, как той религиозной почвы, на которую в дальнейшем был привит ислам и которая определила /и определяет в некоторой мере до сих пор/ многие особенности религиозного сознания у киргизов - мусульман. Автор показывает, как отдельные элементы этого сознания восходят к древним формам верования: к тотемизму, шаманизму и магии. Существуют многочисленные факты, свидетельствующие не только о том, что тотемизм, одно из самых ранних религиозных верований, существовал у древних киргизов в весьма развитой форме, но и о том, что многие его элементы сохранились и в структуре более поздних верований, в частности, были включены в мусульманское мировоззрение в явном или неявном виде. Енисейские надписи V века говорят о тотемизме у древних киргизов. Так, надпись на памятнике Бегре гласит: "Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей"¹. Можно присоединиться к мнению исследователей древних текстов, сохранившихся на надгробных камнях, согласно которому подобные высказывания расцениваются как свидетельства табу на животных-тотемов. Расшифровка надписей показывает также, что слово "барс" употребляется как синоним эпитетов "сильный", "именитый". Такое словоупотребление исходит и из склонности к зооморфической символизации, как одного из моментов обыденного сознания, не связанного обязательно с какой-либо формой религиозного верования.

Преувеличенные исторической судьбы привели к потере киргизским народом письменности, а кочевой образ жизни замедлил темп общественного развития, что способствовало сохранению

1. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1953, стр. 33

на многие века пережитков первобытных форм религиозных верований, в частности, культа животных и природы. Так, названия некоторых родов: "бугу" /благородный олень/, "багыш" /лось/, "бору" /волк/, "жору" /гриф/, "жагалмай" /чеглок/ и др. прямо указывают на существующую ранее беру в сверхестественное родство между определенной группой людей и животным-тотемом рода.

Было бы неверным, на наш взгляд, считать тотемизм у киргизов вполне законченным и самостоятельным верованием. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что он был тесно связан с анимизмом и даже аниматизмом, и именно в такой форме отдельные его пережитки продолжали существовать в последующие столетия, переплетаясь и соседствуя с более поздними и более развитыми религиозными представлениями. Еще в XIX веке киргизы широко поклонялись таким покровителям, как "Кайып", "Камбар-ата", "Зенги-баба", "Чолпон-ата", "Чычак-ата" и др. Пережитки матриархата выражались в почитании покровительницы домашнего очага и потомства, мифического женского общества "Умай-Эне"^I.

Важно подчеркнуть, что никакие формы религиозных верований у киргизов не приобретали законченного и самодавящего вида. Зачастую можно говорить лишь об элементах тех или иных верований, как, например, об элементах шаманизма и магии. Если в тотемизме в субъективной форме отразились природные силы, противостоящие человеку, то в шаманизме и магии в такой форме отразились силы, порожденные самим человеческим обществом, но уже объективно противостоящие воле отдельного индивиду.

^I. См.: Н. Пыренков. Умай в культе турецких племен. "Культура и письменность", 1928

Гипостазирование мощи словесного воздействия и манипуляции с предметами лежит в основе магии- неотъемлемого атрибута шаманизма. Здесь в иллюзорно-фантастической и извращенной форме сознание пытается нащупать действительные связи между действиями человека и изменением течения событий.

Пережитки фетишизма сохранились длительное время у киргизов в форме почитания огня, деревьев^I, воды и земли. В представлениях о воде как творце жизни и производительном начале, о земле как покровительнице и об огне, как очищающем начале складывались первые элементы картины мира.

Сравнительно поздним следует считать возникновение веры в "арбак" - духе - покровителя семьи, который оберегает живущих родотвенников. Представления о "семейных" арбаках зачастую сливались с верой в существование добрых и злых духов. К первым поверье относилось духов "Бак" /счастье/ и "Кадыр-ата", который мог существовать в облике одного из родотвенников /"один из семи человек - Кадыр"/.

Как более позднее образование, мир духов являлся отчасти отражением земного мира с его социальной дифференциацией, что дает право говорить о его социоморфном характере.

С другой стороны, слабые хозяйственно-экономические связи, разрозненность и изолированность родов препятствовали развитию религиозной унификации и конформизма, поскольку у различных родов были различные объекты культа, к тому же функции их не были строго фиксированы. В дальнейшем часть элементов древних верований была вытеснена исламом, другая

^I. См.: С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

часть слыхалась с ним, или же продолжала параллельное, относительно независимое существование.

Во втором разделе первой главы рассматривается соотношение патриархально-родовой идеологии и ислама, эволюция мусульманской веры в Киргизии.

В силу уже указанных причин, препятствующих религиозной консолидации вообще, ислам долгое время не получал сколько-нибудь значительного влияния даже после контакта киргизов с народами, исповедующими эту религию. Ортодоксально мусульманские авторы XVI-XVII вв., по-видимому, с достаточным основанием относили киргизов к "полуязычникам", прежде всего, из-за отсутствия у них религиозного фанатизма, поверхностного и холодного, а иногда и иронического отношения к религиозным догматам и ритуалам.^I

Согласно многочисленным исследованиям, утверждение ислама в качестве господствующей религии среди киргизов в значительной степени явилось следствием кокандской колонизации. Одновременно с завоеванием страны в конце XVIII и начале XIX веков шло интенсивное проникновение на покоренные территории мулл, ишанов, ходжей, дервишей. Военные захваты сопровождались религиозной экспансией, выразившейся, в частности, в постройках в укрупненных пунктах большого количества мечетей. При этом наиболее сильное влияние испытали южные районы Киргизии, географически близкие к крупнейшим религиозным центрам Средней Азии в Коканде, Бухаре и Самарканде.

Роль ислама как орудия классового угнетения стала особенно явственной в период вхождения Киргизии в состав России. В целом ислам характеризуется значительным усилением. См.: В.В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

ем влияния мусульманства благодаря покровительству царской администрации, которая видела в религии опору колониального режима. Было предусмотрено строительство мечетей во всех пунктах, население которых достигало 200 человек. В Ошском уезде, где население сравнительно рано перешло к оседлому образу жизни, эти тенденции получили наибольшее развитие: к 1899 г. там было 221 приходская мечеть и столько же ишанов. Особенно большая их концентрация была в г. Оше: 33 соборных, 73 приходских мечетей и III ишанов.

В то же время в северных и центральных частях Киргизии кочевой образ жизни по-прежнему в определенной степени тормозил распространение и утверждение ислама, что нашло свое выражение в значительно меньшем числе мечетей и духовенства.

В целом на территории Киргизии только за период с 1899 по 1908 год количество мечетей выросло в 5 раз. Положение усугублялось также тем, что дело образования целиком сосредоточилось в руках мусульманского духовенства. Использование этого канала существенно усиливало его влияние на все сферы духовной жизни общества.

Так называемые "кочующие школы" и постоянные мектебы и медресе в населенных пунктах долгое время оставались по-прежнему единственными органами образования, сводившегося преимущественно к заучиванию корана и религиозных догм. В 1903 г. в Оше насчитывалось 26 мужских и 17 женских мектебов. Число их постоянно росло. Так, по Ошскому уезду с 1908 по 1914 гг. количество мектебов выросло со 172 до 229, с 3170 учащимися /в том числе 33 женских и 511.

ученицами/. К 1914 г. в этом уезде функционировало 88 медресе с 1178 учащимися, тогда как в Пржевальске, например, было всего 1 медресе.

Конечно, мусульманское духовенство не только сотрудничало с царской администрацией, но преследовало также и свои цели, что выразилось, в частности, в создании так называемых "новометодных школ", задачей которых являлась консолидация мусульман Средней Азии на религиозной и националистической основе. Однако царское правительство в 1910-1911 годах закрыло около 50 "новометодных школ". Лишь один десяток школ на территории Киргизии продолжал следовать программе новометодистов: в Токмаке и Пржевальске, в Чон-Кемине и других местах.

Сложное переплетение различных социальных процессов /проникновение капиталистических отношений, усиление социальной дифференциации, зарождение новых классов и классовых отношений, разложение патриархально-родового уклада жизни, экономическое и политическое объединение, оживление связей между разрозненными прежде частями страны и т.п./ наложило отпечаток и на развитие религиозных верований в Киргизии. На фоне обострения идеологических противоречий явственно проступает настроение уныния и безнадёжности, послужившее для господствующих классов эмоциональной почвой усиления религиозности.

История ислама в послереволюционной Киргизии особенно ярко демонстрирует всю сложность связей религии с другими сторонами жизни общества. Некоторое оживление религиозной деятельности в первые годы Советской власти имело еще классовые истоки. Только в 1919 году в Джалал-Абадском кантоне

было построено 47 мечетей, а в 1926 г. там насчитывалось более 200 имамов. Религия была одним из орудий, при помощи которого баи и манапы пытались бороться с Советской властью. Окончательная ликвидация классовых корней не привела, однако, к автоматическому исчезновению религии, которая стала опираться на ложные националистические предрассудки, эксплуатировать неграмотность и отрицательные стороны действительности, неизбежные в период становления нового общества.

Во второй главе "Идеи свободомыслия и формирования атеистических тенденций в мировоззрении киргизского народа"

автор на большом фактическом материале показывает ту сторону духовной деятельности народа, которая при традиционных исследованиях истории религии, к сожалению, остается в тени. Между тем чрезвычайно важно подчеркнуть, что традиции антирелигиозного и внерелигиозного сознания имеют не меньшую древность. Было бы в корне неверно представлять дело таким образом, что все сознание народа определялось религиозной идеологией. В действительности же последняя окрашивала в любое время лишь большую или меньшую его часть, и постоянно наряду с религиозным сознанием, а иногда и вопреки ему, существовали и обогащались нерелигиозные представления, составлявшие основу социального и хозяйственного опыта народа.

Именно практика, сама жизнь являлись источниками действительного познания сил природы, с которыми киргиз-кочевник сталкивался постоянно и которые умел тонко и верно наблюдать. Не всегда противоречивость этих наблюдений религиозным представлениям была очевидной, осознанной, чем и объясня-

ется любопытный феномен одновременного существования двоякого объяснения одних и тех же явлений: эмпирического и религиозного.

Кочевой образ жизни требовал умения ориентироваться во времени и пространстве — киргизы хорошо ориентировались по звездному небу, выделяли млечный путь, различали подвижные звезды и неподвижную "Алтын казык" /Полярная звезда/. Не случайно, по-видимому, и существование у киргизов представления о 12-летнем цикле, нашедшее выражение в соответствующем календаре, годы и месяцы которого носили названия животных. Заслуживают внимания народные приметы, по которым предсказывали погоду, что очень важно для народа, постоянно живущего под открытым небом. Предсказание по этим приметам вылилось в своего рода профессиональную деятельность "Эсепчи" /буквально — "вычислитель"/, особой категории людей, которых следует отличать от профессиональных и полупрофессиональных гадателей по бергней лопатке — "далычы" и на 41 камешке — "толгочу". В то время как первые опирались на эмпирически установленную связь явлений, вторые полностью стояли на иррациональной почве.

Эсепчи, хотя и не поднимались до причинного объяснения явлений, однако они из поколения в поколение бережно передавали и накапливали эмпирические знания, став, таким образом, необходимым звеном житейской мудрости.

Киргизы были не только хорошими скотоводами, но и умелыми охотниками. Они различали множество животных и птиц, знали их образ жизни. Не менее разнообразны были их познания растительного мира. Представления о природе, зачастую совершенно лишенные религиозной окраски, были важным элементом миро-

воззрения киргизов. Известны также значительные достижения народной медицины, особенно в лечении вывихов и переломов.

Ввиду слабого развития обмена продуктами производства и оторванности от городской цивилизации у киргизов существовала сравнительно неразвитая система мер протяженности и весу, которая, однако, удовлетворяла их собственные потребности.

Внерелигиозное и атеистическое сознание существовало у киргизов не только в виде практического знания, оно нашло широкое отражение также в богатом устном народном творчестве, чему посвящен заключительный раздел второй главы диссертации.

Насмешка и разоблачение религиозных предрассудков, глупости служителей культа и поддавшихся обману являются постоянным и излюбленным сюжетом сказок, легенд, пословиц и поговорок, что лишний раз подчеркивает, насколько киргизскому народу был чужд религиозный фанатизм, киргизам всегда была свойственная изрядная доля юмора и здравого смысла, что помогало противостоять религиозному дурману и суеверию.

Характерные примеры иррелигиозности киргизов находим мы в таких произведениях, как "Манас", "Курманбек", "Эр Табылды", "Эр Топтук", "Кожожаш", "О батыре Олджобае и о девушке, погибшей из-за горестной любви", "Кедей-хан" и др.

"Но нет воскрешения мертвецам,

Не может такого чуда быть";¹

"Все мы прах и вернемся в прах";²

¹ Манас. Великий поход. М., 1946, стр. 212

² Манас. Эпизоды киргизского эпоса. М., 1960, стр. 41

утверждается в эпосе "Манас". Оптимистическое утверждение земной жизни является лейтмотивом многих произведений, пробивающимся через все рассуждения, привнесенные из сферы религиозных представлений.³ Противопоставление реальных земных благ мистическому райскому блаженству в киргизских сказках⁴ показывает скептическое отношение людей труда к идеям рая и загробной жизни вообще.

В целом киргизский фольклор отличается индифферентным отношением к религиозной проблематике. В человеке не столько ценится набожность, сколько качество ума. Идея, выраженная в афоризме: "Сильный победит одного, умный — тысячу", разрабатывается в сюжетах целого ряда сказок, в которых умный бедняк побеждает все враждебные ему силы, какой бы мистической силой они не обладали.⁵ Замечательно, что сам по себе "мотив ума" /подчеркивание практической сметки, хитроумия, здорового критицизма/, являясь своеобразной реакцией высвобождения от тотемистических представлений /вспомним, что в таких сказках человек силой ума побеждает различных животных/, вместе с тем бьет по религиозным предрассудкам вообще, и в частности, по идеологии ислама. Характерна в этом отношении сказка о Койлубае, жертвы которого прежде всего — жертвы собственных суеверий, а ум героя обнажает абсурд суеверия, его несоответствие логике вещей. Пафос сказки в восхищении мощью человека, в осознании его самостоятельной ценности. Такие настроения несовместимы с любой формой религии, ибо возвеличение человека есть начало конца преклонения перед богом.

3. См.: Семетей /2-я часть, 3-я книга эпоса Манас/, Фрунзе, 1959, стр. 104, 106

4. См.: Киргизские народные сказки. Фрунзе, 1962, стр. 95, 248-254, 321-322

5. См.: Кыргыз эл жомоктору. Кыргызмамбас. Фрунзе, 1956, 17-6

Не меньше свидетельств антиклерикальных настроений можно найти в лаконичных и острых формулах киргизских пословиц и поговорок: "Когда голодал, шесть раз был волком, когда насытился, девять раз стал муллой", — гласит одна из пословиц; "Людской выродок — мулла", — клеймит поговорка. Анализ пословиц и поговорок позволяет выявить взгляды, бытовавшие в народе и коренным образом расходящиеся с религиозными представлениями. Так, в ряде пословиц вскрывается лживость доводов мусульманского духовенства в пользу существования рая и ада, в пользу "святости", отдельного существования души и т.д. Им противопоставляются здоровые реалистические рассуждения, основанные на непредвзятом критическом наблюдении действительности.

Богатые зерна критической мысли народа нашли благоприятную почву и дали замечательные плоды в деятельности народных акынов, из которых особо необходимо отметить Токтогула Сатылганова /1864 — 1933 гг./ и его близкого соратника поэта-просветителя Тоголока Молдо /1860 — 1942 гг./. В их творчестве получили концентрированное выражение и дальнейшее развитие и обогащение лучшие традиции демократической и атеистической мысли киргизского народа.

Акын-демократ Токтогул Сатылганов, опираясь на мировосприятие и опыт простого народа, высказывал отдельные "стихийно-материалистические взгляды на явления природы".¹ Примечательны его представления о том, что мир существует согласно своим внутренним законам, без вмешательства сверхъестественной силы. В песне "Аккан суу" /Текущая вода/ акын излагает наивные, но по существу материалистические догадки о происхождении и родстве различных форм жизни.

¹ Общественно-политическая и философская мысль в Киргизии. "Очерки истории философской мысли народов СССР", ч. II. М., 1956, стр. 382

ни на Земле.¹

Конечно, в тех конкретно-исторических условиях нельзя было ожидать от акына сколько-нибудь ценной и развитой теории столь сложной проблемы, но даже такие незрелые объяснения природы имели в то время огромное значение для отсталого кочевого народа и явились первым шагом на пути познания мироздания. Не приходится говорить о том, что особое значение материалистические идеи акына имели как объяснения, противостоящие религиозной мусульманской схоластике, утверждавшей неизменность мира с момента сотворения его аллахом.

Токтогул не ограничивается объяснениями природных явлений, он прямо призывает к борьбе с мусульманским духовенством, насаждавшим мракобесие. "Песня про ишанов", "Ишан кайпа", "Тоните прочь от аилов" и другие беспощадно разоблачают и бичуют жадность и лицемерие представителей культа."

Мировоззрение акына-демократа Тоголока Молдо при общей своей прогрессивности не отличалось цельностью и последовательностью. Наряду с высказыванием материалистических /иногда даже наивно-диалектических/ взглядов он в ряде случаев останавливался на религиозную точку зрения. Сложность и противоречивость эпохи в его сознании смешением веры в сверхъестественное, с одной стороны, и утверждением о естественных причинах природных процессов - с другой стороны. Некоторые места его сочинений можно истолковывать в пользу бога-творца или же "сверхъестественной силы", которая "породила мир во всем его разнообразии".²

1. Токтогул. Собр. соч., Фрунзе, 1964, стр. 8

2. Рукоп. фонды ИЯЛ АН Киргиз. ССР, инв. № 1268, стр. 163

Идеалистическая исходная посылка приводила Тоголока Молдо к мысли о том, что различные стороны бытия обладают лишь кажущейся самостоятельностью, имея общую первопричину не в самих себе, но в высшем существе. Однако в представлении Тоголока Молдо всеислие бога не было безграничным, и он не разделял мистического эскиза, до которого доходили его некоторые современники в словословии аллаху /можно взять, к примеру, Ниязалы Молдо¹.

Сохранение критического отношения позволяло Тоголоку Молдо видеть несоответствие между религиозными пророчествами и действительностью. Именно эта его позиция способствовала развитию у слушателей критического отношения к догмам ислама, а самому поэту облегчила переход к более последовательным материалистическим представлениям. В поэме "Земля и дети" в качестве первоосновы бытия выступают четыре стихии - вода, ветер, огонь, дождь, взятые не в абстрактной, а в чувственно определенной форме.² Называя землю матерью всего живого, акын отстаивает мысль о тесной связи и взаимообусловленности явлений природы.

Немаловажную роль в атеистическом воспитании трудящихся сыграли и антиклерикальные произведения Тоголока Молдо, такие, как "Овна и чалма", "О проделках Ходжи" и другие, в которых поэт разоблачает подлую и лицемерную сущность служителей культа.

Диссертант особо подчеркивает, что далеко не вся сфера духовной жизни определялась религиозным мировоз-

1. Рукоп. фонды ИЯЛ АН Киргиз. ССР, инв. № 355, стр. II

2. Дж. Таштемиров. Атеистические воззрения Тоголока Молдо. "Воспоминание о Тоголоке Молдо", Фрунзе, 1960, стр. 250-256

зрением. У киргизского народа, всегда чуждавшегося религиозного фанатизма и весьма поверхностно относившегося к догмам веры, всегда были живы идеи свободомыслия и атеизма.

В третьей заключительной главе "Об отражении атеистических идей в киргизской советской литературе и искусстве" показано развитие и углубление лучших традиций народного творчества при социализме. Вновь обретая письменность, киргизский народ получает огромные возможности для своего культурного развития.

Диссертант проводит мысль о том, что на новом историческом этапе совершенно необходимым и закономерным является усиление марксистско-ленинской идеологии, усиление роли коммунистической партии в руководстве материальным и духовным производством. Естественно, коммунистическая идеология несовместима с религией, и поэтому одной из важнейших задач коммунистического строительства становится атеистическая работа. "Борьбу с религией, — указывал В.И. Ленин, — надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии".¹ Уход с исторической арены классов, заинтересованных в религии, не привел автоматически к ее исчезновению. Религия досталась социалистическому обществу как одно из тяжких наследий прошлого. К. Маркс предвидел, что социализм "во всех отношениях: в экономическом, нравственном и умственном сохранит еще родимые пятна старого общества, из недр которого он вышел".² Киргизия, по существу, миновавшая

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 418

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 18

капитализм и перешедшая к социализму от феодализма, сохранившего еще патриархально-родовые пережитки, была отягощена особенно сложным грузом прошлого. Между тем в Киргизии вплоть до 1936 г. не было антирелигиозных учреждений, атеистическая работа велась слабо. В дальнейшем, опираясь на замечательные успехи социалистического строительства, атеистическая пропаганда стала разворачиваться шире. Особую роль в правильной постановке и организации этой работы сыграли постановления ЦК КПСС, принятые на Пленумах в июне 1954 и 1963 гг. Создание Советов атеистов значительно активизировало антирелигиозную пропаганду среди населения республики. Диссертант подробно останавливается на достижениях и задачах атеистической работы в Киргизии.

С момента своего зарождения киргизская советская литература и искусство стали верными помощниками партии в борьбе с религиозным дурманом. Широкую известность получили атеистические произведения киргизских писателей и поэтов: Аалы Токомбаева, Касамалы Мантошева, Джоомарата Бокомбаева, Темиркула Уметалиева, Тутельбая Сыдыкбекова, Кубанычбека Маликова, Чингиза Айтматова и др. Во многих произведениях тема раскрепощения киргизской женщины раскрывается через критику и отрицание унижительных для человеческого достоинства положений адата и шариата. Не будет преувеличением сказать, что в большинстве своих произведений писатели Киргизии касаются антирелигиозных тем, отражают борьбу народа со старыми обычаями и обрядами, с отжившими представлениями, мешающими строить новые отношения.

Благодаря усилиям партии и правительства создана хорошая основа для решительного наступления на религиозные

предубеждения. В выполнение этой задачи все шире и активнее включаются наши театры и кино. Только в течение 1964 г. было проведено свыше 3000 сеансов научно-атеистических фильмов, которые просмотрело около 20000 человек. Успеху атеистической пропаганды способствует наряду с массовостью богатое разнообразие ее форм, обсуждение которых диссертант уделяет особое внимание.

Атеистическое воспитание трудящихся достигается не изолированными мероприятиями, а воздействием всех средств массовой коммуникации, всей системы народного образования и просвещения. В этой связи в диссертации рассматривается деятельность республиканской прессы, радио и телевидения, республиканских книжных издательств.

В заключении подводятся основные итоги проделанного исследования, излагаются основные выводы, к которым приходит диссертант. Комплексное исследование истории религии и атеизма в Киргизии позволяет более точно определить место мусульманской идеологии в системе духовного багажа народа и наметить действенные пути борьбы с ней в обществе, строящем коммунистические отношения.

Основное содержание диссертации освещено в следующих работах:

1. Атеистическому воспитанию - первоочередное внимание. "Коммунист" № 7 1970, Фрунзе, /на киргиз.яз./

2. Усовершенствование форм атеистической работы. "Блокнот пропагандиста и агитатора" /орган Отдела пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии/, 1969, № 12, /на киргизском и русском языках/

3. Вредные пережитки. Еженедельник "Киргизстан маданияты", 1969, № 12, /на киргиз.яз./

4. Сущность уразы. Еженедельник "Киргизстан маданияты" 1969, № 48 /на киргиз.яз./

5. Против религиозного культа. Еженедельник "Киргизстан маданияты", 1971 № 49 /на киргиз.яз./

6. Ленинские принципы свободы совести в СССР. В сб.: "Теория и практика научного атеизма в Киргизии, Фрунзе, Изд.-во "Илим", 1971, 1,5 п.л. /в печати/.

Подписано и печать 20/1-72 г. Объем 1,5 печ. л.
Формат бумаги 60х90/16 Зак. 150 Тир. 200 Д-01013

Тир. АН Кирг. ССР ул. Пушкина, 144